

УДК 330.88+338.24

УПРАВЛЕНИЕ БЕСПОРЯДКОМ: ГЛОБАЛЬНЫЕ УРОКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА¹

Р.М. Нижегородцев

Статья посвящена источникам, механизмам и последствиям мирового экономического кризиса. Охарактеризованы особенности протекания кризиса в США, в странах Европейского союза и в России. Обсуждаются пути выхода из кризиса, предлагаются рекомендации для экономической политики государства и для формирования контуров новой мировой финансовой системы.

Ключевые слова: экономический кризис, рецессионный разрыв, мировая финансовая система, макроэкономическая политика.

ВВЕДЕНИЕ

Мировой кризис обнажил противоречия экономической динамики всемирного хозяйства и отдельных стран мира, наличие которых молчаливо подразумевалось экспертами и аналитиками, но при анализе факторов среднесрочного порядка обычно не принималось в расчет. Сейчас настала пора задуматься о причинах этого кризиса (прежде всего — лежащих вне финансовой сферы) и о последствиях, к которым приведет его развитие для России и для мирового хозяйства в целом.

На сегодня является фактом наличие рецессии в экономике США, которая долгое время (около 20-ти лет) пребывала в состоянии рецессионного разрыва. Его влияние на развитие архитектуры современной мировой финансовой системы бесспорно, и характер этого влияния подлежит осмыслению и оценке. Рецессионный разрыв — это еще не рецессия, и отдельная проблема заключается в том, можно ли было ее избежать, и если нет, то стоили ли, в смысле перспектив развития американской экономики, оттягивать начало этой рецессии.

В связи с серьезными проблемами в американской экономике, оказавшими воздействие на ход событий на мировых финансовых рынках, многие аналитики объявили о начале мирового финансового кризиса. Здесь возникают, по меньшей мере, следующие вопросы.

¹ Основное содержание статьи прозвучало в докладе автора на II Астанинском экономическом форуме 12 марта 2009 г. (г. Астана, Республика Казахстан).

Можно ли трактовать сложившееся положение вещей как *кризис* или глобальные рынки пока что встали перед очередным затруднением, которое должно в свой черед развеяться, как уже не раз было в периоды краткосрочных спадов ведущих экономик мира в конце прошлого столетия?

Является ли этот кризис (или, соответственно, это затруднение) *финансовым*, и насколько велика, собственно, финансовая составляющая тех процессов, которые сотрясают современное мировое хозяйство? Можно ли отнести основные причины происходящих негативных процессов к финансовой сфере или, быть может, истоки этих проблем лежат в другой плоскости?

Можно ли считать этот кризис *мировым*? Может быть, потрясения, которые происходят в мировом хозяйстве, касаются только «золотого миллиарда» и отражаются лишь на немногочисленной верхней (по уровню жизни) прослойке населения планеты, а остальные пять миллиардов чувствуют себя в полной безопасности? Если судить об этих процессах по нашей стране, лишь небольшая часть населения которой входит в «золотой миллиард», а большая доля находится за его пределами, то можно заметить, что ни у одной из упомянутых частей населения нет серьезных поводов для оптимизма.

Действительно ли выход из сложившихся противоречий лежит на путях глобального переустройства мировой экономики или, быть может, удастся преодолеть возникшие трудности путем простого перераспределения ролей, несколько ослабив влияние одних и усилив влияние других игроков на процессы развития глобальных рынков?

К выяснению этих вопросов мы и переходим.

1. ЛОГИКА РЕЦЕССИОННОГО РАЗРЫВА

В течение последних 20–25 лет в американской экономике имеет место ситуация рецессионного разрыва: общий уровень цен неуклонно растет и в данный момент находится на некоторой отметке P_0 , при которой совокупное предложение Y_{AS} устойчиво превышает совокупный спрос Y_{AD} (рис. 1).

Не останавливаясь подробно на частных проявлениях этого факта, заметим, что коренной причиной является перенакопление капитала. Капитал может самовозрастать лишь в случае, когда валовая прибыль превышает совокупные издержки, т. е. предложение благ, выносимых им на рынок, превышает спрос, предъявляемый им на рынках ресурсов. Поэтому общее стремление частных капиталов к самовозрастанию приводит к общему перенакоплению капитала, которое «на поверхности» экономической жизни общества, на уровне явления, выражается в перепроизводстве благ. Собственно, состояние рецессионного разрыва и означает, что экономика находится на пороге рецессии, первоначально описанной в экономической литературе как кризис перепроизводства.

Устойчивое неравновесие макроэкономической системы, пребывающей в состоянии рецессионного разрыва, предполагает несколько возможных сценариев восстановления равновесия [1], которые обозначены стрелками на рис. 1.

Сценарий № 1, лежащий в русле кейнсианской традиции (стрелка 1 на рис. 1), заключается в том, чтобы стимулировать совокупный спрос, сдвигая кривую AD вверх и вправо до тех пор, пока она не пересечет кривую AS в точке с абсциссой Y_{AS} . Этот путь, несомненно, плодотворен в макроэкономических системах, выходящих из депрессии и переживающих фазу оживления экономической конъюнктуры, когда текущий уровень ВВП еще далек от потенциального, обозначенного через Y^* на рис. 1. Однако в экономике, находящейся в состоянии длительного подъема и приблизившейся к исчерпанию ресурсов, которые могут быть вовле-

чены в производство, стимулирование совокупного спроса чревато инфляционным перегревом, при котором незначительный прирост ВВП оборачивается быстрым взлетом общего уровня цен.

Если в макроэкономической системе еще имеются свободные ресурсы, правительство может, применяя кейнсианские методы стимулирования совокупного спроса, обеспечить относительно безболезненный выход страны из состояния рецессионного разрыва. Этот сценарий № 1 (если он реально осуществим) наилучший в смысле перспектив макроэкономической динамики.

Сценарий № 2 заключается в том, чтобы подавить общий уровень цен (стрелка 2 на рис. 1), «заставив» совокупный спрос и совокупное предложение сблизиться к некоторому промежуточному значению, которое соответствует равновесному ВВП, отмеченному точкой пересечения кривых AD и AS .

Этот путь стабилизации, как показал, в частности, Дж.М. Кейнс, может быть эффективен лишь в собственно рыночной экономике, основу которой составляют совершенно конкурентные отраслевые рынки, но он оказывается недоступен в макроэкономической системе с большим числом квазимонопольных отраслевых рынков. Причина заключается в том, что фирмы-квазимонополисты отвечают на отставание спроса от предложения не снижением цен, а сокращением объемов производства. В этом состоит основная причина того, что в современном мировом хозяйстве в течение более чем полувека никакие попытки снижения общего уровня цен не принесли положительных результатов. Тем самым, важнейшая модификация промышленного цикла в современной монополистической экономике заключается в том, что «классические» рецепты, основанные на действии встроенных стабилизаторов, снижающих общий уровень цен, больше не могут стабилизировать макроэкономическую систему.

Данный сценарий развития событий, в случае его успешного претворения в жизнь, влечет за собой достижение макроэкономического равновесия, сопровождаемое краткосрочным снижением значения Y_{AS} , т. е. падением текущего объема ВВП.

Наконец, *сценарий № 3*: если правительство не воспользуется ни одним из двух указанных путей, то макроэкономическая система будет стихийно стремиться к состоянию равновесия, и оно будет достигаться благодаря тому, что кривая совокупного предложения отодвинется вверх и влево (стрелка 3 на рис. 1), т. е. наступит рецессия, кризис перепроизводства.

Такое стихийное выравнивание диспропорций опасно тем, что спад производства выступает мощнейшим фактором инфляции (при неизменности объема денежной массы сжимается ее товарное покрытие), а это значит, что кривая AS , сдвигаясь

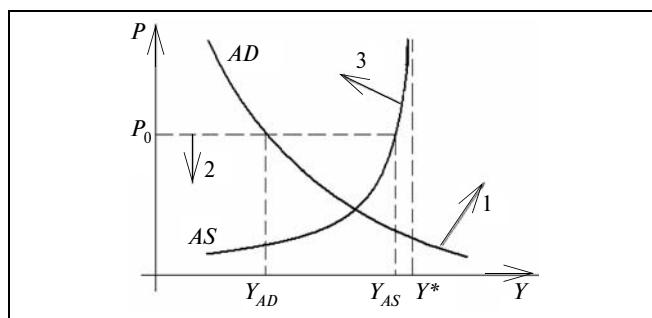

Рис. 1. Рецессионный разрыв: сценарии неравновесной динамики

вверх и влево, минует точку равновесия с абсциссой Y_{AD} и ординатой P_0 и движется дальше, что вызывает стагфляцию — рост общего уровня цен при продолжающейся рецессии. Таким образом, логика стихийного достижения равновесия (даже если этот сценарий развития событий правительство признает допустимым и не представляющим опасности) отнюдь не освобождает государственную власть от принятия адекватных мер по достижению макроэкономической стабилизации, и слабая надежда на действие «невидимой руки» оказывается пагубной иллюзией.

Описанная логика макроэкономического неравновесия лишь приблизительно отражает реальную картину тех проблем, с которыми столкнулась американская экономика. Рис. 1 не содержит информации об отрицательном сальдо платежного баланса и о том, почему США в течение последних лет (с тех пор, как Билл Клинтон покинул Белый дом) являются нетто-импортером, что для растущей экономики, возможно, не столь уж важно, а в экономике, стоящей на пороге рецессии, представляет собой критически важный момент, серьезно ограничивающий возможности маневра для национального правительства.

В современной экономике США (как, впрочем, и в любой реальной макроэкономической системе) кривые AD , AS и линия общего уровня цен движутся не попеременно, а одновременно. В частности, некоторые локальные рынки уже в конце 2008 г. начали испытывать спад, в ряде отраслей снижается уровень цен (например, на рынке недвижимости), отдельные составные элементы совокупного спроса также претерпевают изменения. В этой пестрой картине нужно уловить закономерные тенденции, которые позволяют понять, в каких пределах и в каком смысле экономика США продолжает оставаться управляемой, а в чем ее динамика уже вышла из-под контроля правительства.

2. ТЕКУЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ДИНАМИКА СОВОКУПНОГО СПРОСА В ЭКОНОМИКЕ США

Чем, собственно, опасно падение цен на рынке недвижимости США? Почему эксперты наперебой обвиняют этот (сравнительно узкий) локальный рынок в серьезных потрясениях, которые обрушились на американскую экономику или, по меньшей мере, отводят ему роль «спускового крючка», обнажившего коренные макроэкономические противоречия?

Скажем сразу, что в России падение цен на рынке недвижимости было бы скорее благом, спасающим экономику от перегрева, вызванного ценовым фактором инфляции, действие которого связано с искусственным вздуванием цен на монополизированных локальных рынках. Но в аме-

риканской экономике с развитым рынком вторичных финансовых инструментов, где долговые обязательства можно перепродаивать и закладывать, недвижимость занимает особое место — она выступает основным залогом по долгосрочным кредитам и финансовым операциям.

Таким образом, снижение цен на недвижимость означает удешевление залога, что чревато возрастанием долгосрочных банковских рисков, поскольку те же самые кредитные операции становятся менее обеспеченными. Возрастание рисков банки компенсируют за счет подъема коммерческой учетной ставки, прежде всего так называемой prime rate (исходной, минимальной ставки по долгосрочным кредитам для хорошо проверенных и надежных заемщиков), которая служит основой для расчета целого спектра более высоких процентных ставок.

Повышение банковской учетной ставки означает удорожание денег в экономике, что неминуемо обворачивается всплеском инфляции издержек, поскольку плата по кредитам является неотъемлемой составной частью любого коммерческого проекта. Это затруднение доступа к деньгам означает также свертывание ряда проектов, внутренняя норма отдачи которых не укладывается в возросший кредитный барьер. Если же это повышение коммерческой ставки продлится достаточно долго, то экономику ожидает спад целого ряда ведущих отраслей, т. е. наступление настоящей рецессии.

Возможность этого опасного варианта развития событий, очевидно, имеет в виду правительство США. Однако ответом на рост prime rate оказалось лишь предпринятое Федеральной резервной системой (ФРС) снижение ставки рефинансирования, которая за последние полгода упала в несколько раз, оказавшись меньше индекса инфляции. Тем самым, правительство частично пытается принять на себя банковские риски, пытаясь сдержать рост коммерческой учетной ставки. Легко понять, что эта мера не достигает цели, потому что коммерческие банки (как, впрочем, и любой другой агент) компенсируют рост рисков одного типа за счет дополнительной перестраховки по другим операциям. Поэтому в экономике США ставка рефинансирования падает, а prime rate, тем не менее, в то же самое время растет.

Такая ситуация опасна прежде всего тем, что ставка рефинансирования перестает выполнять свое основное назначение, а именно — она перестала быть регулятором уровня коммерческой процентной ставки. Таким образом, правительство сознательно выпускает из рук важнейший инструмент управления монетарной системой страны.

Аналогичная ситуация (правда, по иным причинам) сложилась в экономике России в середине 1990-х гг., когда правительство взяло курс на сжа-

тие объемов денежной массы и, тем самым, фактически перешло к политике дорогих денег, хотя и не объявило об этом прямо. Поскольку денежные ресурсы оказались в дефиците, то процентная ставка стала быстро возрастать, а ставка рефинансирования, переставшая выполнять роль макроэкономического регулятора, была вынуждена ее догонять запоздалыми и совершенно нелогичными прыжками. При этом, разумеется, рост коммерческой учетной ставки привел к увеличению издержек производства и, соответственно, к новым всплескам инфляции издержек, несмотря на то, что сжатие объемов денежной массы предпринималось именно под лозунгом борьбы с инфляцией. Таким образом, в России в период экономического кризиса либерально-монетаристская концепция макроэкономической политики в очередной раз подтвердила свою непригодность, как это сейчас происходит и в экономике США.

Почти единственный инструмент, который реально остается в распоряжении правительства США, — это совокупный спрос. Как известно, его объем Y_{AD} складывается из конечного потребления C , валовых инвестиций I (частных и государственных), государственных расходов (закупок) G и чистого экспорта X_n , т. е. $Y_{AD} = C + I + G + X_n$.

Удорожание денег приводит к тому, что личное конечное потребление и частные инвестиции сжимаются. Нетто-экспорт, уже будучи отрицательным, также продолжает уменьшаться, хотя рост процентной ставки играет в этом процессе не главную роль. Легко понять, что падение совокупного спроса, которое имеет место в американской экономике, лишь углубляет расхождение между объемами AD и AS и тем самым подталкивает экономику к пропасти масштабной рецессии.

Практически единственный рычаг, при помощи которого правительство США способно остановить быстрое падение совокупного спроса, — это государственные расходы и государственные инвестиции. Только посредством их радикального увеличения можно спасти экономику от угрозы наступления глубокого и длительного кризиса. Однако для этого придется признать, что либеральная доктрина как основа управления экономикой США потерпела полный провал, и обратиться к кейнсианским рецептам предотвращения кризиса и его преодоления, основанным на стимулировании совокупного спроса.

Вместо этого мы видим беспомощную монетаристскую политику, основанную на снижении ставки рефинансирования, от которого в экономике напряжение ничуть не уменьшается, зато банковский сектор, которому деньги достаются практически даром, получает невиданные возможности для спекулятивных операций на финансовых рынках. Проблема заключается в том, что

коммерческая учетная ставка по-прежнему ползет вверх, а это значит, что политика дешевых денег, декларируемая правительством, касается исключительно банковской сферы. Вся остальная экономика (в первую очередь, реальный сектор) по-прежнему живет в условиях дорогих денег. Тем самым, банковская система перестает эффективно выполнять одну из важнейших своих функций, а именно — перекачивать сбережения в инвестиции. При этом надежд на то, что банковская система одумается и облегчит доступ к деньгам для частных агентов, нет на самом деле никаких. Возникает естественный вопрос: чего ждет правительство в создавшейся ситуации?

Суммируя обсуждаемые угрозы для современной экономики США, можно свести все их многообразие к трем наиболее часто упоминаемым катастрофическим последствиям, на возможность которых указывают эксперты:

— опасность длительной и масштабной рецессии (кейнсианский триллер);

— угроза высокой инфляции (либерально-монетаристский триллер): стимулирование совокупного спроса, по мнению сторонников либеральной доктрины, обернется инфляционным перегревом экономики;

— потеря позиций доллара в качестве мировой резервной валюты (триллер от ФРС, при помощи которого специалисты этого ведомства обосновывают дальнейшее снижение ставки рефинансирования, не достигающее цели и, по сути, демонстрирующее бессилие правительства перед надвигающимися вполне реальными угрозами).

Из трех перечисленных «страшилок» наиболее страшная, конечно, угроза рецессии, спада физических объемов производства. Кризис способен обострить противоречия американской экономики и усугубить диспропорции, которых в ней и сегодня достаточно много. В частности, обузданье инфляции в условиях уже начавшейся рецессии представляется трудно осуществимым, в отсутствие рецессии это сделать многократно легче.

Угроза инфляции сама по себе не столь серьезна, отчасти в силу того факта, что инфляция уже началась и развивается по мере роста коммерческой процентной ставки, приводящего к удорожанию кредитных ресурсов. В этих условиях опасения, что стимулирование совокупного спроса в США окажется дополнительным источником инфляции, не слишком обоснованы. Намного более опасны в смысле развертывания инфляционных процессов попытки нейтрализовать дефицит ликвидности при помощи наращивания предложения «не связываемых» денег, не сопровождающего развитием инвестиционных программ. Накачивание экономики деньгами без реального стимулирования совокупного спроса таит в себе

инфляционную опасность не только в США, но и в странах Европейского союза и в России.

Что же касается угрозы утраты позиций доллара в качестве мировой резервной валюты, то уже сегодня большинство стран мира проводит диверсификацию валютных резервов, и этот процесс объективно вытекает из логики развития мирового хозяйства. Но до тех пор, пока американские транснациональные корпорации, которые играют ведущую роль в мировом товарообороте, сами не откажутся от доллара как основного платежного средства, серьезной утраты позиций в этой сфере доллар не испытает.

3. ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Проблемы, с которыми сталкивается (и в ближайшем будущем еще столкнется) экономика Европейского союза, заслуживают отдельного обсуждения. Они хорошо иллюстрируются на модели равновесия открытой экономики (классическая модель Манделла—Флеминга), построенной в координатах Y (текущий реальный объем ВВП) и R (коммерческая ставка процента) и включающей в себя взаимное перемещение кривых IS , LM и BP (рис. 2). Напомним, что каждая из этих трех кривых обеспечивает свой вид макроэкономического равновесия: кривая IS — равновесие реального сектора (в каждой точке этой кривой инвестиции равны сбережениям), кривая LM — равновесие денежного рынка (в каждой точке этой кривой спрос и предложение денежных активов совпадают), кривая BP — равновесие платежного баланса (в каждой точке этой кривой платежный баланс нулевой).

Согласно учебникам макроэкономики, идеалом равновесия считается пересечение всех трех кривых в одной точке. Однако в реальной жизни подобное совпадение встречается крайне редко, так что правительству большинства стран приходится в известном смысле делать выбор, достигается ли внутреннее макроэкономическое равновесие при дефиците или при излишке платежного баланса, иначе говоря — лежит ли точка пересечения кривых IS и LM выше или ниже кривой BP [2].

Если задать абстрактный вопрос: что лучше — дефицит платежного баланса или излишек? Большинство так называемых нормальных людей скажет: «конечно, излишек». Как ни странно, эти нормальные люди неправы, потому что достижение макроэкономического равновесия при излишке платежного баланса выбывает из рук правительства один из важнейших рычагов управления макросистемой, а именно — совокупный спрос. Лишаясь возможности управлять им, правительство ограничивает свободу для маневра и доступный ему перечень инструментов краткосрочного стимулирования прироста ВВП.

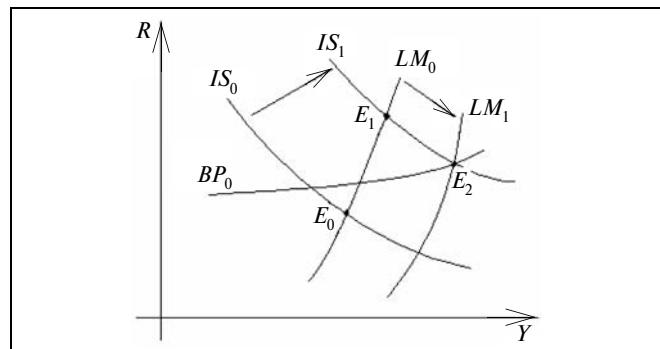

Рис. 2. Макроэкономическое равновесие в открытой экономике

Ситуация вполне аналогична достижению так называемой полной занятости: и теоретики, и эксперты, и государственные чиновники наперебой утверждают, что это хорошо, но ни одно правительство на земле к этому на самом деле не стремится, потому что если полная занятость будет достигнута, макросистема окажется в состоянии исчерпанности ресурсов и правительство не сможет управлять совокупным спросом.

Практический опыт развития наиболее успешных стран (в годы наиболее успешного роста) убеждает в том, что оптимален случай, когда «равновесная» кривая платежного баланса проходит несколько выше точки пересечения кривых равновесия товарного и денежного рынков, т. е. «внутреннее» равновесие в стране достигается при небольшом дефиците платежного баланса (точка E_2 на рис. 2).

Такое положение вещей благоприятно для сильных, развитых стран с плавающим валютным курсом и значительной открытостью экономики, предполагающей международную мобильность капитала. В этом случае применение «кейнсианских» мер стимулирования экономического роста, сдвигающее вправо кривую IS , и последующее «выравнивание» ставки процента, сдвигающее вниз кривую LM , позволяет достичь одновременного равновесия на трех рынках (точка E_2 на рис. 2). Однако дальнейшая задача правительства в этом случае заключается в том, чтобы вновь «приподнять» кривую BP над точкой «внутреннего» равновесия, что обеспечивает наличие в достигнутой точке равновесия небольшого дефицита платежного баланса и тем самым оставляет государственной власти известный простор для манёвра. Таким образом, данная модель показывает циклическое развитие соответствующих макросистем, однако эта цикличность обусловлена логикой макроэкономической политики правительства, а не стихийно складывающимися колебаниями экономической конъюнктуры. Обратим внимание на то, что в результате проведенных манипуляций процентная ставка колеблется, а текущий объем ВВП не-

уклонно растет, т. е. правительство достигает целей краткосрочного стимулирования экономического подъема.

Одним из примеров стран, практикующих именно такое соотношение кривых макроэкономического равновесия, являются США. Европейский союз, взятый как единое целое, напротив, заметно проигрывает от того, что многие отдельно взятые страны, входящие в него, пытаются обеспечить профицит платежного баланса, «застревая» в точке E_1 на рис. 2. Попытки многих развитых и богатых стран-членов Евросоюза «перетянуть» одеяло на себя, вообще говоря, пагубно сказываются на судьбе организации в целом и осложняют достижение договоренностей по урегулированию состояния отдельных локальных рынков, развитие которых основывается на системе квот и взаимных противовесов.

Обратим внимание на то, что наиболее сильные страны, входящие в Еврозону, исповедуют принцип солидарной ответственности в части денежной эмиссии, не обременяя себя выпуском национальных финансовых инструментов. Это логично, поскольку в создавшейся ситуации эмиссия евро служит инструментом обогащения этих стран, стоящих у руля распределения этой валюты, и ограбления менее развитых стран, входящих в зону евро.

В то же время, в национальной экономической политике развитых стран Европы возможны серьезные расхождения, поскольку изначально одна из первых договоренностей, касающихся выхода из кризиса, заключалась в том, что каждое национальное правительство помогает только резидентам. В качестве косвенного подтверждения такой логики развития событий заметим, что на 2009 г. запланировано увеличение госрасходов во Франции в объеме почти 33 млрд. долл. США, в Италии — примерно 8,4 млрд., а в Германии — всего лишь 6,9 млрд. долл., что на фоне экспансионистской финансовой политики Франции, Великобритании и ряда скandinавских стран выглядит более чем скромно. Наименее развитые страны ЕС столкнутся с серьезными проблемами в развитии реального сектора экономики, они по-прежнему будут испытывать дефицит инвестиционных ресурсов, а финансовая система, ключи от которой находятся в европейских центрах принятия решений, отнюдь не намерена обеспечить их приток.

Таким образом, кризис обнаруживает очередной виток противоречий между странами ЕС, и поляризация стран внутри этого сообщества по уровню жизни и по уровню среднедушевого ВВП грозит достичь опасной черты. В среднесрочной перспективе ЕС ожидают серьезные проблемы, способные поставить под угрозу будущее этой организации в ее современных очертаниях.

Тот факт, что события развиваются именно по этому, наименее благоприятному сценарию, подтверждается стихийными выступлениями широких масс населения, произошедшими в январе 2009 г. в Латвии и Литве. Осенью 2008 г., когда кризис только начал разгораться, в латвийском сейме раздались высказывания о том, что нужно попросить Швецию напасть на Латвию и оккупировать ее. В том, что в этой шутке содержится изрядная доля правды, убеждает дальнейший ход событий, показавший, что правительства ряда стран-членов ЕС проводят политику, последовательно направленную на утрату государственного суверенитета.

Президент Чехии Вацлав Клаус справедливо заметил, что Европейский союз постепенно превращается в СССР: членство в этой организации обирается угрозой нациальному суверенитету вступающих в нее стран, причем соглашения, достигнутые в рамках ЕС, нередко нарушают конституции этих стран [3].

Эта мысль, конечно, правильная, но несколько запоздалая. В вопросе о размещении производительных сил Евросоюз давно превратился в тоталитарную организацию. Утрата государственного суверенитета начинается еще на дальних подступах к ЕС, когда вступающим странам диктуют, какова должна быть отраслевая структура их экономики, ликвидируя производства, в существовании которых Евросоюз не видит необходимости.

4. СПЕЦИФИКА РОССИИ: УГРОЗЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

В России своеобразие макроэкономической ситуации отражается и на формах проявления кризиса, и на логике поиска возможных путей его преодоления. Многие кризисные явления носят скрытый, латентный характер, что затрудняет обнаружение причин развертывания кризисных явлений и, соответственно, поиск инструментов, призванных нейтрализовать действие этих причин.

Имеют место две проблемы, осложняющие выход из кризиса. Первая проблема — это карликовый (по мировым масштабам) банковский сектор. Если сложить все активы банков, действующих на территории России, мы получим величину, составляющую примерно 90 % объема годового выбытия основного капитала в стране. В Германии, где крупных транснациональных компаний не так уж много, это соотношение составляет примерно 170 %. Таким образом, возможности нашего банковского сектора финансировать даже простое обновление основных фондов весьма ограничены. Понятно, что это финансирование происходит не за счет банковских активов как таковых, однако задачи развития реального сектора страны, стоящей на пороге масштабной технологической модернизации, требуют слаженных действий банков-

ского сектора и серьезных объемов инвестиций, чего наша раздробленная банковская система пока обеспечить не в состоянии.

Пожалуй, один из возможных путей решения этой проблемы заключается в насильственном укрупнении банковского сектора, которое должно быть в известной мере аналогично реформам Рузвельта в США. Выход из положения следует искать не на пути банкротства слабых банковских учреждений, а на пути их слияния с более сильными и способными проводить национально ориентированную кредитно-финансовую политику.

Вторая проблема заключается в том, что наша страна неоднородна как по уровню экономического развития, так и по характеру экономической динамики. Некоторая часть российских регионов (например, г. Москва) испытывает рецессионный разрыв, другая часть (например, Ульяновская область) пребывает в состоянии инфляционного разрыва. В этом заключается основная причина того факта, что одни и те же решения, принимаемые на федеральном уровне, улучшают экономическое положение одних регионов страны и ухудшают динамику других [4, 5]. Налицо расхождение траекторий экономической динамики, при котором более сильные, развитые регионы упрочивают свое положение, а более слабые теряют и те немногие численные ресурсы для развития, которые еще оставались в их распоряжении, постепенно превращаясь в инвестиционную пустыню, в зону, свободную от производства.

Основная трудность заключается в том, что *именно те самые* факторы, которые выступают движущими силами развития одних регионов, тормозят развитие других. Например, стимулирование совокупного спроса является локомотивом развития регионов, находящихся в состоянии рецессионного разрыва, но пагубно отражается на динамике регионов, испытывающих инфляционный разрыв. В связи с этим отдельного обсуждения заслуживает применение принципа Хаавельто в *неоднородных* макросистемах, отдельные части которых испытывают рецессионный разрыв, а другие в то же самое время пребывают в состоянии инфляционного разрыва.

Естественно поэтому, что и пути выхода из кризиса, и механизмы технологической модернизации эти регионы представляют себе в корне различным образом. Да и во время кризиса 1990-х гг. в нашей стране к разным регионам применялась совершенно различная политика стабилизации: для подавляющей части территории страны — «шоковая терапия», основанная на жестком сжатии объемов денежной массы, искусственно вызванном кризисе неплатежей и, соответственно, политике дорогих денег, а для отдельно взятого города Москвы — кейнсианские меры стимулирования экономичес-

кого роста, основанные на накачивании региона денежной массой и на создании эффективного спроса. Стоит ли и говорить о том, что для этого отдельно взятого региона кейнсианская экономическая политика блестяще доказала свою эффективность [6].

Решение проблемы выхода из кризиса для России заключается не в денежной эмиссии как таковой, а в развитии федеральных инвестиционных программ, имеющих выраженную региональную направленность. Снижение ставки рефинансирования — это тупиковый путь для любой страны, но для России это еще и губительный шаг, усиливающий поляризацию экономического пространства. В нашей стране была попытка снизить ставку рефинансирования, но, к счастью, правительство вовремя (в течение 2–3 дней) одумалось и не пошло по этому пути. Проблема преодоления кризиса заключается вовсе не в том, чтобы денег в стране было много, а в том, чтобы они шли по назначению, вызывали мультиплексные эффекты и работали на решение задач экономического роста, а не оседали на финансовых рынках.

При этом инвестиции в реальный сектор экономики не обязательно должны поступать через существующую в нашей стране банковскую систему в ее нынешних очертаниях. Более того, можно утверждать, что сложившаяся в нашей стране система финансово-банковских институтов мало пригодна для решения этой задачи.

Существуют различные выходы из создавшегося положения. Вкратце обозначим некоторые из них.

- Создать независимую сеть государственных банковских учреждений, достаточно разветвленную для того, чтобы проходящие через нее производственные инвестиции достигали каждого уголка страны. В Китае для решения аналогичной задачи были созданы четыре стратегических банка, предназначенных для финансирования и кредитования долгосрочных и масштабных проектов, реализация которых не предполагает быстрой окупаемости.
- Создать сеть институциональных инвесторов (например, инвестиционных фондов), подконтрольных федеральному центру и напрямую кредитуемых Центробанком, для осуществления целевых инвестиционных программ на территории всей страны. Недавние решения, принятые правительствами ряда стран Западной Европы, позволяют утверждать, что в этих странах был частично избран именно этот путь инвестирования реального сектора, во всяком случае, в той его части, которая касается малого бизнеса и социально ориентированных программ.
- Укрупнить и национализировать часть существующего банковского сектора и сделать эту часть проводником государственной инвестиционной политики. Эта логика в известной степени копи-

рует соответствующую часть так называемого плана Рузельта, позволившего в исторически сжатые сроки вытащить из трясины экономику США.

- Стимулировать крупнейшие коммерческие банки, уже имеющие разветвленную сеть филиалов (например, Сбербанк), к реализации инвестиционной политики государства и усилить государственный контроль за их текущей деятельностью.

Разумеется, предлагаемые меры институционального характера не принесут реальных результатов сами по себе, в отрыве от инвестиционной политики правительства. Они являются лишь необходимым подготовительным этапом, призванным обеспечить проведение в жизнь федеральных целевых инвестиционных программ, которые должны быть разработаны правительством с учетом весьма непростых проблем регионального характера, о которых уже говорилось.

Иначе говоря, Центробанк должен отдавать деньги коммерческим банкам не просто так (как это происходит сегодня), а на условиях так называемого фидуциарного договора, обязывающего банки осуществлять финансирование реального сектора и тем самым обеспечивать реализацию государственных инвестиционных программ.

Вместо этого пока что мы видим беспомощное накачивание деньгами банковской сферы, которая использует эти деньги не для инвестирования реального сектора отечественной экономики, а преимущественно для скупки иностранной валюты, что, естественно, повышает ее курс, ослабляя российский рубль. Иными словами, банковская система готовится к тому, что предприятия реального сектора скоро встанут перед необходимостью погашения внешнего долга, так что банки будут обогащаться постольку, поскольку будут беднеть и разоряться агенты реального сектора, как это уже было в России в середине 1990-х гг., в период искусственно вызванного правительством кризиса неплатежей.

Однако именно сейчас для России ослабление рубля опасно, поскольку у нас огромный частный внешний долг (он превысил 400 млрд. долл.), львиная доля которого номинирована в иностранных валютах. Поэтому низкий курс рубля уменьшает шансы фирм-должников, производство которых ориентировано в основном на внутренний рынок, вовремя расплатиться по внешнему долгу. Кроме того, систематическая девальвация рубля снижает стимулы для накопления рублевых резервов другими странами, даже теми, чьи центробанки хотели бы их накопить.

Необходимо также быстро предпринять усилия по повышению мировых цен на нефть. До тех пор, пока она относительно дешева, наше правительство позволяет банковской системе девальвировать рубль для того, чтобы поддержать экспортёров,

дать им возможность заработать. Других причин для удорожания доллара в российской экономике сейчас нет. Нужно сделать так, чтобы и эта причина отпала сама собой.

Суммируя проблемы, с которыми столкнулась отечественная экономика, можно утверждать, что сроки выхода из кризиса и возвращения на траекторию устойчивого роста всецело зависят от действий правительства, от своевременности и правильности принимаемых мер. При хорошем стечении обстоятельств реально выйти из кризиса за год с небольшим. Но если правительство намерено, не прилагая усилий, молча наблюдать за развитием событий, то, возможно, и трех лет окажется мало для решения этой задачи.

5. ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Ближайшие перспективы динамики мирового хозяйства достаточно противоречивы. По моим оценкам, экономика развитых стран в текущем году упадет в целом на 1,2–1,4 %. Развивающиеся страны в целом покажут рост ВВП приблизительно на 3,4–3,6 %. При этом в заметно лучшую сторону выделяется экономика Китая: мы прогнозируем рост ВВП примерно на 8,4 %. За 2009 г. ВВП России, по нашим оценкам, должен незначительно вырасти — приблизительно на 0,9 %. Нулевой рост покажут некоторые новые индустриальные страны второй волны, например, ЮАР и Индонезия.

Дальнейшие прогнозы зависят от того, какие меры предпримут правительства разных стран в течение 2009 г. Тем не менее, можно предположить, что ВВП развитых стран продолжит падение (в целом на 1,8 % за 2010 г.), также замедлится рост в развивающихся странах (в целом +2,9 %). Однако при этом ВВП Китая может ускорить прирост (+9,6 % за 2010 г.). Перспективы российской экономики на 2010 г. (тем более — на дальнейшую перспективу) достаточно туманны (от -0,5 до +1,4 %), всё зависит от того, какой сценарий макроэкономической политики в конце концов будет реализован.

Основные выводы для тенденций и перспектив развития мирового хозяйства заключаются в следующем.

- Налицо крах либеральной доктрины управления экономикой, приведшей современные макроэкономические системы в тупик, выход из которого возможен только на путях применения кейнсианских рецептов экономической политики.

Мировой финансовый кризис не просто создал предпосылку для глобальной ревизии целей и инструментов экономической политики. Мы являемся свидетелями заката целой эпохи — эпохи либерализма в экономической политике современного государства.

Этот закат объективно обусловлен и необратим, он связан с глобальными технологическими сдвигами, происходящими в мировой экономике. Чем большую долю ВВП составляют информационные продукты, чем более интенсивно воздействие на макродинамику внешних эффектов по сравнению с прямыми коммерческими эффектами, тем меньше шансов, что механизмы саморегуляции приведут систему локальных рынков в равновесие. Следовательно, на наших глазах тает надежда на то, что «невидимые» руки и прочие части тела способны эффективно выполнять функции стабилизаторов макроэкономических систем. Остается лишь осознать эту реальность и приспособить к ней действия правительства в области макроэкономического регулирования [7, 8].

Выражаясь журналистским языком, управление при помощи «автопилота» сегодня не может достичь цели, необходимо переходить на «ручное» управление. Чем раньше национальные правительства поймут, что эпоха автопилота никогда уже не вернется, и научатся действовать в условиях глобальных разрывов, «вручную» исправляя несовершенства современной экономики, тем эффективнее и быстрее мировое хозяйство сможет выйти из кризиса.

Неразрывная связь разразившегося кризиса с глобальными технологическими сдвигами подчеркивает тот факт, что финансовые потрясения, происходящие на наших глазах, имеют нефинансовую природу. Как говорил Козьма Прутков, щелкни кобылу в нос — она махнет хвостом. Если в роли кобылы рассматривать мировую экономику, то финансовые рынки и есть тот хвост, которым она махнула. Они просто первыми среагировали на кризисные явления, вызванные накопленными за долгие годы диспропорциями в мировом хозяйстве. Финансовые проблемы выступают ближайшей, непосредственной формой проявления тех негативных процессов, которые имеют место в современной мировой экономике, однако глубинные причины этих процессов весьма далеки от финансовой сферы.

- Рецессионный разрыв в экономике США обнажил несостоятельность пошатнувшихся претензий этой страны на мировое финансовое господство. Постепенное падение национальной конкурентоспособности экономики, которая долгое время поддерживается чисто монетарными мерами, носящими краткосрочный характер (например, сравнительно легкая доступность американского доллара для нерезидентов), привело к закономерному сочетанию внутреннего макроэкономического неравновесия и устойчивого дефицита торгового и платежного балансов. В результате под угрозой оказалась именно та уникальная роль доллара в мировой финансовой системе, на которой в тече-

ние десятилетий были основаны механизмы финансирования бюджетного дефицита США и логика мирового финансового цикла, неизменно приносившая американской экономике финансющую ренту.

В течение последнего года в разных странах многократно высказывались предложения, реализация которых позволила бы ограничить долларовую доминанту в международных расчетах. В России тоже есть идея создать нефтегазовую биржу, где энергоресурсы продавались бы за российские рубли. Однако сейчас, когда окончание рецессии еще не близко, воплощать эту идею рано, иначе есть опасность включиться в мировую рецессию при невыгодных для нас обстоятельствах. Иначе говоря, рецессия в России может быть частично индуцирована спадом в более развитых странах мира, выступающих основными потребителями наших энергоресурсов. Когда спад в мировой экономике достигнет дна, нужно быть готовыми запустить этот проект, а до наступления этого момента необходимо готовиться, создавая институциональные предпосылки его реализации.

- Мировое хозяйство находится на пороге глобальных институциональных сдвигов. Существующая ныне Ямайская валютная система, закрепившая мировое господство американского доллара, рушится на наших глазах, и усилия основных игроков на глобальных финансовых рынках направляются на формирование институтов, которые были бы адекватны новым реальностям многополярного финансового мира.

Проблема не в том, хорош или плох однополярный финансовый мир. Его можно превозносить или бранить, но то и другое одинаково бессмысленно, потому что его больше не существует. Проблема в том, что однополярный мир рухнул и уже никогда не вернется. На смену иерархической структуре, в которой все «ветви» растут из одного «ствола», должна прийти сетевая, в которой разные узлы сети способны попеременно подниматься и опускаться, меняя свою роль и значимость как в системе мирового платежно-финансового оборота, так и в системе обслуживания и гарантирования инвестиций.

В последние полвека институциональная архитектура мировой экономики была «заточена» под реальности однополярного финансового мира и направлена на обслуживание господствующей роли американского доллара в валютной системе. В этом смысле Международный валютный фонд блестяще выполнил роль цепной собаки, которую можно было вовремя спустить с цепи, когда этого захочет хозяин, а можно было снова посадить на поводок. Сегодня роль этой организации и всей «华盛顿ской шестерки» (шестерки в любом смысле этого слова), естественно, резко снижает-

ся. Хотя в решениях последнего саммита стран G8 записано, что нужно укреплять роль международных финансовых институтов, логика развития мирового хозяйства уже слабо зависит от того, что думает по этому поводу Международный валютный фонд. Реальное будущее МВФ (следует ли реформировать эту организацию или проще выбросить ее на помойку, возложив часть выполняемых ею функций на другие институты) определится в ближайшие 5–6 лет, в течение которых прояснятся очертания нового финансового порядка и, будет сформирована институциональная структура мировой экономики.

Коренные изменения глобальной архитектуры современного мирового хозяйства, в конечном счете, приведут к становлению иных очертаний институциональной среды, в некотором смысле более справедливых и дающих больше возможностей для развития странам, правительства которых направляют усилия на достижение мировой конкурентоспособности национальной экономики в долгосрочной перспективе. Мир становится гораздо более многополярным, чем мы можем себе представить.

В этих условиях можно услышать самые разные предложения по выходу из кризиса, по переустройству глобальной финансовой системы. Обращают на себя внимание две крайности — попытка вернуться назад, к системе золотого стандарта, и попытка забежать далеко вперед, предложив единую мировую валюту, которая стала бы законным платежным средством на территории всего Земного шара.

Сразу скажу, что эпоха золотых якорей, к которым можно привязывать курс валюты или объем эмиссии долговых обязательств государства (включая объем денежной массы), ушла безвозвратно и уже никогда не вернется. С тех пор, как основная масса бывших колоний в середине 1960-х гг. обрела формальную независимость и мировые каналы денежного обращения были наводнены низколиквидными денежными агрегатами, которые стали инструментом ограбления молодых стран, крушение золотого стандарта стало неотвратимым.

Не случайно многие эксперты, предлагающие этот путь решения мировых проблем, сопровождают свои рекомендации требованием запретить обращение деривативов и низколиквидных платежных инструментов. Однако реализация подобного запрета неосуществима: она слишком резко повысила бы риски частных агентов. Если рынки фьючерсов еще можно кое-как ограничить, то запретить банкам выпускать в обращение тратты — совершенно нереальная задача.

К тому же современные задачи регулирования валютных курсов неразрешимы в условиях золотого стандарта. Сегодня время от времени возникает необходимость повысить курс своей валюты по от-

ношению к какой-то одной, а по отношению к другой — наоборот, ее девальвировать. В эпоху золотого стандарта валютный курс можно изменить только через золото, изменив золотое содержание валютной единицы.

Поэтому в настоящий момент спрос на золото как со стороны частных агентов, так и со стороны центрбанков различных стран носит в основном спекулятивный характер. Попытки вновь увеличить долю золота в составе золотовалютных резервов, как пытаются сделать сегодня центрбанки некоторых развивающихся стран, — это каменный век экономической политики. Следование подобным рецептам никакой пользы этим странам не принесет. Золото можно накапливать, имея в виду совершенно другие цели, никак не связанные с объемом резервов (например, предпочтение ликвидности).

Что касается единой мировой валюты, то следует напомнить о том, что платежное средство такого рода уже есть — это СДР, специальные права заимствования. Эту валюту никто, собственно, не отменял, она увяла сама собой, будучи вытесненной американским долларом из международных расчетов. Любая попытка введения подобного платежного средства обернется таким же выкидышем.

Необходимо также иметь в виду, что современная денежная эмиссия имеет кредитную природу: принимая в уплату какое бы то ни было платежное средство, агент тем самым кредитует эмитента, выпустившего этот инструмент в обращение, и демонстрирует свое доверие к факту ликвидности этого инструмента.

Тем самым, в условиях дефицита ликвидности слабым странам невыгоден валютный союз с более развитой страной, выступающей эмитентом соответствующих обязательств. Развитая страна, наводняющая своей валютой менее развитую, тем самым «размазывает» свои макроэкономические риски по ее территории. Иначе говоря, вместе с чужой валютой слаборазвитая страна импортирует и инфляцию, возникающую в стране-эмитенте (в дополнение к своей собственной), а когда в развитой стране наступит шок совокупного спроса, менее развитая из-за этого потеряет рабочие места, и т. д.

Поэтому именно слабые страны сегодня должны стремиться не к формированию валютных союзов, а к национальной идентификации валютных рисков и ответственности. Это ограничит возможности более сильных стран для выкачивания реальных активов с территории других стран.

Другой вопрос — формирование резервных валют, прежде всего на региональном уровне. Их число будет неизбежно расширяться, как за счет уже существующих валютных единиц, так и за счет возникновения новых, межгосударственных.

В этих условиях исторический шанс дается странам БРИК — наиболее быстро растущим эко-

номикам современного мирового хозяйства. Как известно, президенты России и Бразилии выступили с инициативой проведения саммита стран БРИК. Одна из важнейших проблем, требующих обсуждения, заключается в формировании устойчивого финансового союза. Первый шаг на этом пути мог бы заключаться во взаимном обмене определенными объемами государственных финансовых активов, номинированных в национальных валютах соответствующих стран. Слопы такого рода, если они состоятся, автоматически придаут соответствующим четырем валютам статус резервных (независимо от того, что думает по этому поводу МВФ) и существенно облегчат процедуру взаимных расчетов между резидентами этих четырех стран. Даже если конкретные договоренности не будут достигнуты, но удастся просто сблизить позиции Индии и Китая по данному кругу проблем, это можно считать большим успехом в деле формирования контуров новой глобальной финансовой системы.

Эмиссионным банкам других стран, прежде всего соседних со странами БРИК, есть смысл накапливать валюты этих стран, несмотря на то, что они официально не признаны в качестве резервных.

Логика, согласно которой наиболее сильные банковские учреждения связываются неким подобием круговой поруки, позволяющей не дать утонуть потенциально сильному банку, допустившему тактические ошибки краткосрочного характера, отнюдь не нова: подобная система гарантирования инвестиций и вкладов существует в любой развитой стране. Новизна сложившейся в мире ситуации заключается в том, что теперь, вероятно, предстоит договариваться эмиссионным банкам разных стран, что частично ограничит возможности для маневра в национальной экономической политике.

Наша страна, валюта которой сегодня является наиболее обеспеченной в мире (если судить по объему золотовалютных резервов), примет активное участие в формировании новых контуров глобальной финансовой системы. Есть основания полагать, что на этом пути мы обретем союзников в лице наших стратегических партнеров, с которыми нас связывают долгосрочные глобальные интересы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня необходимо осознать, что безоблачное прошлое, когда можно было положиться на действие встроенных стабилизаторов, не вернется никогда. Сбылось проклятие Кейнса, который в свое время утверждал, что традиционный выход из промышленного кризиса, основанный на саморегуляции макросистем, уже невозможен. Без усилий государства нельзя ни преодолеть кризисные яв-

ления, ни выстроить траекторию сколько-нибудь устойчивого роста.

Адекватный подход к сложившейся ситуации заключается не в том, чтобы подавить или преодолеть возникающие макроэкономические риски, а в том, чтобы научиться жить в условиях глобальной нестабильности и этими рисками управлять. Приспособить к возникшим условиям экономическую политику государства — задача невероятно сложная. Однако другого пути не существует. Ближайшие годы выдвинут новых лидеров, которые примут этот подход и научатся действовать в системе рисков, неопределенностей и нестабильностей.

Современное управление экономическими системами — это управление беспорядком, сложным и наполненным рисками. Овладение этим искусством станет основным конкурентным преимуществом как фирм, так и целых стран. Таков магистральный путь развития мировой экономики.

Пожелаем друг другу успехов на этом пути.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нижегородцев Р.М. Основы экономической теории: Обзорный курс лекций для студентов экономических специальностей. — М.: Доброе слово, 2008. — 216 с.
2. Нижегородцев Р.М. Блеск и нищета неоклассического синтеза: о методологических основаниях макроэкономических моделей // Экономическая наука в начале третьего тысячелетия: история и перспективы развития: Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 65-летию эконом. фак-та СПбГУ. Секции 1 — 3. СПб.: ОЦЭиМ, 2005. — С. 71—73.
3. Президент Чехии: Евросоюз превращается в СССР URL: <http://top.rbc.ru/politics/24/02/2009/282576.shtml> (дата обращения 3.04.2009).
4. Нижегородцев Р.М. Россия перед выбором: ключевые макроэкономические проблемы и возможные пути их решения // Экономика развития региона: проблемы, поиски, перспективы: Ежегодник. В 2-х т. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. — Вып. 7. — Т. 1. — С. 16—31.
5. Нижегородцев Р.М. Поляризация экономического пространства России и задачи экономической науки // Вестник экономической интеграции. — 2008. — № 3. — С. 5—10.
6. Нижегородцев Р.М. Глобальная — национальная — региональная экономика: парадоксы кризиса // Философия хозяйства. — 2004. — № 5. — С. 19—35.
7. Нижегородцев Р.М. Рецессионный разрыв в экономике США и мировой финансовый кризис // Изв. Уральского гос. экон. ун-та. — 2008. — № 2. — С. 39—49.
8. Нижегородцев Р.М., Стрелецкий А.С. Мировой финансовый кризис: причины, механизмы, последствия. — М.: Кн. дом «Либроком», 2008. — 64 с.

Статья представлена к публикации членом редколлегии Д.А. Новиковым.

Нижегородцев Роберт Михайлович — д-р экон. наук, гл. науч. сотрудник, Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, г. Москва,
 (495) 335-60-37, bell44@rambler.ru.